

Алексей Романчук

Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели

Keywords: oath, weapon, rings, Slavs, Old Russians, Scandinavians, Germans, Celts

Cuvinte cheie: jurământ, armă, inele, brățări, slavi, ruși vechi, scandinavi, germani, celți

Ключевые слова: клятва, оружие, кольца, славяне, русь, скандинавы, германцы, кельты

Aleksey Romanchuk

The origin of "rings and weapons" oaths of Old Russians: Slavic, Germanic and Celtic parallels

Origin of "rings and weapons" oaths of X century's Old Russians is considered by comparative analysis of Germanic and Slavic traditions. It was demonstrated that many Slavic peoples used oaths by weapons. For some of them (Serbs, Bulgarians, Slovaks, Czechs) it is impossible to explain these oaths by Scandinavian influence. Celts used oaths by weapons too. The comparison between Slavic and Germanic traditions of oaths by weapons demonstrates some essential differences in the key semantic and ritual details. The Old Russian oaths by weapons are closely to Slavic tradition.

"Ring oath" exists in Slavic tradition of betrothal. The analysis of linguistic and ethnographic data allows us to suppose the for-Slavic origin of this ring's oath. Besides, we can think that this is a reminiscence of a previously existed Slavic tradition of "ring oaths" in some other contexts as well. Celts and Romans uses rings in betrothal too; Celts swear by torques. All these facts make us thinking that oaths by rings were common for many Indo-European peoples too.

The comparison between Old Russians' and Germanic oaths by rings shows the important difference too. Namely, Old Russians swear by their own rings taking them off and putting down on the ground. In contrast, Scandinavians (as well as all Germans) swear on sanctuary rings, putting them on for a ritual of oath. It looks like the Old Russians' "rings and weapons" oath appeared as a result of their longtime contacts with Slavs.

Alexei Romanciuc

Originea jurămintelor rușilor "cu armă și brățară": paralele slave, germane și celtice

Originea jurămintelor rușilor "cu armă și brățară" este examinată prin analiza comparativă a tradițiilor de jurământ a germanilor și slavilor. S-a demonstrat că la diferite popoare slave este atestat jurământul cu arma. Printre altele și la sîrbi, bulgari, cehi și slovaci – ce este imposibil de explicat prin influența scandinavă. Jurământul cu armă a existat și la celți. Comparăția dintre tradițiile slave și cele germanice (inclusiv a scandinavilor) a jurământului cu armă arată că există o diferență esențială dintre ele în nuanțe semantice și rituale importante. Jurământul cu armă a rușilor vechi este mai apropiat de tradiția slavă.

Jurământul cu inele există în tradiția slavă la logodnă. Analiza datelor lingvistice și etnografice ne permite să considerăm că este o tradiție slavă veche. De asemenea, este foarte probabil că jurământul cu inele la logodnă reprezintă o reamintire a tradiției jurământului cu inele (brățări) în mai multe contexte, care a existat la slavi anterior. Dar folosirea inelelor la logodnă la celți și la romani, alături cu jurământul cu torques la celți, ne permite să considerăm că jurământul cu inele tot a existat anterior la mai multe popoare indoeuropeene.

Comparăția jurământului rușilor cu brățări și a tradiției asemănătoare a germanilor demonstrează o diferență esențială dintre ele. Anume, rușii când făceau jurământul cu brățări, le scoteau de pe ei și le puneau pe pământ. Dar scandinavii, ca și alți germani, fac jurământul cu brățări de sanctuar, îmbracă aceste brățări special pentru ritualul de jurământ. Așadar, putem să concludem că jurământul rușilor de fapt s-a format ca rezultat al relațiilor lor îndelungate cu slavii.

Алексей Романчук

Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели

Происхождение клятв русов X в. «оружьем и обручем» рассматривается методом сравнительного анализа германской и славянской традиций. Показано, что у различных славянских народов была клятва оружием. В том числе и у тех (сербов, болгар, словаков, чехов), где ее никак нельзя объяснить скандинавским влиянием. Клятва оружием фиксируется и у кельтов. Сопоставление славянской и германской клятв оружием показывает наличие радикальной разницы между ними в ключевых смысловых и обрядовых нюансах. Клятва русов оружием ближе как раз к славянской традиции.

Клятва на кольцах представлена в славянской традиции при обручении – и, анализ лингвистических и этнографических данных позволяет говорить о ее праславянском происхождении. А также предполагать, что она представляет собой реминисценцию существовавшей в до-христианское время у славян клятвы на кольцах и в иных

контекстах. Использование кольца при обручении у кельтов и римлян, а также клятва кельтов на *torques* (шейной гривне) позволяет думать, что и клятва на кольцах была характерна для многих индоевропейских народов.

Сопоставление же клятв русов «обручем» и германской традиции клятв на кольцах позволяет заметить наличие важного обрядового отличия между ними: русы клянутся «обручем», слагая его с себя – тогда как скандинавы (и вообще германцы) клянутся на алтарных кольцах, одевая их специально для клятвенной церемонии. Вероятно, клятва русов «оружьем и обручем» сложилась как раз в результате их длительного взаимодействия со славянами.

Введение

Клятвы русов, известные по ПВЛ (они приносят их в процессе заключения князьями Олегом, Игорем и Святославом договоров с греками), имеют длительнейшую историю исследований и обширную историографию. Из относительно недавно вышедших стоит особо отметить прекрасные работы Е. А. Мельниковой (2008; 2012; 2014) – в которых так или иначе упомянуты и важнейшие представители предшествующей историографии. А также очень интересные статьи А.А. Фетисова [Fetisov 2002], П.С. Стефановича [Stefanovich 2006], А.М. Введенского [Vvedenskii 2006], А.А. Роменского [Romenskii 2016], В.С. Кулешова [Kuleshov 2017].

Надо заметить, что доминирующая в историографии точка зрения заключается в том, что клятвы русов имеют скандинавское происхождение.

При этом, сторонники скандинавского происхождения клятв русов обычно учитывают исключительно германский (или даже уже – только скандинавский) контекст. И фактически молчаливо исходят из того, что в славянском контексте аналогии этим клятвам обнаружены быть не могут.

Впрочем, некоторые из сторонников скандинавского происхождения клятв русов последнюю идею даже прямо и весьма безапелляционно высказывают: «Очевидно, что клятвы русов не имеют ничего общего с клятвами славян» [Gubarev 2013, 243]. Или: «Как убедительно показал О.Л. Губарев, в русской клятве Хв. нет и славянских следов» [Kuleshov 2017, 257].

Однако это утверждение (заключительный вывод статьи О.Л. Губарева) совершенно очевидно является ошибкой, и основано попросту на незнании (или игнорировании) славянского контекста. Поскольку, в частности, клятвы на оружии у различных славянских народов хорошо известны – и (что очень важно) нет никакой возможности связать эти славянские клятвы со скандинавским влиянием.

Поэтому, в данной статье я как раз и хотел бы рассмотреть и сопоставить одновременно и германский (а не только скандинавский), и славянский, а также – кельтский, контексты клятв «оружьем и обручем». Полагаю, что воссоздав для себя целостную картину, мы сможем более

адекватно оценивать и проблему происхождения клятв русов.

Клятвы оружием: славяне, германцы и кельты

Итак, давайте посмотрим подробнее, и начнем с клятв на оружии – и со славян.

Прежде всего, уже словарная статья «Клятва» во втором томе научной энциклопедии «Славянские древности: этнолингвистический словарь» приводит весьма любопытную информацию: «в послании папы Николая I болгарскому царю Борису (IX в.) указывается, что болгары клялись перед положенным перед собой мечом. В народной традиции бытовала К[лятва] над заряженным ружьем (укр., серб.). У болгар клятва утверждалась целованием топора» [Belova 1999, 513].

Впрочем, процитируем некоторые первоисточники этой информации – излагающие ее более развернуто, и с существенными для нас дополнениями.

Итак, «клятва на оружии была и у болгар, как показывают *Responsa ad consulta Bulgarorum* папы Николая I: *Perhibetis vos consuetudinem habuisse quotiescumque aliquem iure iurando pro qualibet re disponebatis obligare, spatham in medium afferre et per eam iuramentum agebatur. Act. Cons. V. 375. Cap. 67.* На память о клятве оружием остаются у болгар и у сербов многие заклинания ... У чехов и словаков есть тоже подобные заклинания ... *Sekerou hazeti* – бросать секиру – значит у них клясться» [Sreznevskii 1893, 1236].

Важная информация о клятвах на оружии у сербов, чехов и словаков сообщается А. Н. Афанасьевым [Afanas'ev 1865, 273]. Здесь же он упоминает о наблюдении А.Ф. фон Рейца, когда один из русских крестьян при споре с другим предложил дать клятву на оружии; эти сведения полвека спустя процитировал Н. П. Павлов-Сильванский [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 500].

Среди украинских казацких и болгарских проклятий мы видим такие, которые апеллируют к «ясным мечам» или «первой сабле» [Sumtsov 1896, 11]. Сербские песни о Марко Краевиче также дают нам яркие примеры сбывающихся проклятий о смерти злодея от собственного оружия («Королевич Марко узнает отцовскую саблю»). Очень

обширная и важная информация об апелляции к оружию в формулах угроз и проклятий в заговорах у славян собрана в [Vinogradova 2005, 425-440].

Здесь необходимо подчеркнуть, что проклятия и заклятия – представляют собой фактически инвариант клятвы: «клятва – это то же проклятие, но обращенное на субъекта, на говорящего» [Sumtsov 1896, 11; см. также: Belova 1999, 513; ESSJA 10, 39], и потому – весьма ценный источник информации о собственно клятве.

На некоторые славянские параллели клятв русов обращал внимание и П. С. Стефанович [Stefanovich 2006, 398-399, prim. 57]. Помимо того же письма папы Николая («о клятве болгар (правда, неясно, славянского или тюркского происхождения)», он указывает (со ссылкой на И. Дуйчева, который «наиболее последовательно отстаивал точку зрения об общеславянском характере клятвы оружием») также на сведения Козьмы Пражского о клятве оружием князя лучан Властимила (Властимил клянется «рукою меча» [КР 1962, 49]), и на сообщение Галла Анонима о клятве моравского князя Святополка польскому Болеславу Кривоустому «соединившись с ним одним щитом».

И, П. С. Стефанович также подчеркнул, что именно «клятва болгар наиболее близка древнерусской, так как они также клали мечи на землю».

Письмо папы Николая особо выделил и А.А. Фетисов [Fetisov 2002, 44]. Однако, он сопоставил его сведения с информацией о клятве оружием у авар, и связал клятву оружием у болгар с прото-болгарским компонентом в их этногенезе.

Правда, как раз тюркских параллелей (за исключением авар) клятве болгар А.А. Фетисов не приводит. Но такие параллели действительно существуют – именно, у башкир и тувинцев.

Так, «у тувинцев, когда договор о мире или побратимстве скрепляется клятвой и лизанием стрелы, сабли, ножа» [Bagautdinova 2001, 99]. У башкир существовал обычай 'подвержение суду стрелы'.

Тем не менее, несмотря на наличие этих тюркских параллелей, все же кажется более оправданным связывать существование этой (по крайней мере) клятвы оружием у болгар именно со славянским компонентом их этногенеза.

На мой взгляд, в пользу такого вывода свидетельствует, во-первых, то, что как клятва авар, так и прочие известные мне тюркские параллели структурно (притом в, как увидим ниже, важнейшем аспекте) все же отличаются от клятвы болгар. Ни в одной из них нет сложения оружия на землю. И, наоборот, по крайней мере в двух тюркских традициях зафиксировано требование к прикосновению ртом\лизанию оружия.

Во-вторых – мы видим наличие параллелей (притом структурно идентичных и отличающихся от тюркских традиций) клятве оружием у других, помимо болгар, славянских народов.

Впрочем, даже если оставить клятву болгар под вопросом, это никак не отменит прочих славянских параллелей. Поэтому, думаю, приведенной информации уже достаточно, чтобы сделать вполне определенные выводы.

Именно: как мы видим, клятва оружием действительно представлена у большинства (по крайней мере – если не всех) славянских народов. Притом, среди этих славянских народов и такие (болгары, сербы, словаки, чехи) – для которых ни о каком скандинавском влиянии, очевидно, и говорить не приходится.

И это, собственно, ключевой момент. Даже если допустить, что клятвы оружием славянских народов – все же появились в результате их взаимодействия с различными тюркскими и угорскими группами, которое имело место и было очень тесным в течении V-IX вв.¹

Однако, все же, полагаю, славянская традиция клятв оружием имеет самостоятельный статус, и равно не связана также и с тюркским (или угорским) влиянием. И здесь, вслед за П. С. Стефановичем (и рядом его предшественников в этом отношении), и развивая данную мысль, обратим особое внимание: в цитированных клятвах различных славянских народов оружие тоже ложилось на землю – как и в засвидетельствованных в ПВЛ клятвах русов. Более того, чешский и словацкий материал свидетельствует даже о том, что положение оружия на землю имело центральный (или один из центральных) смысл в этом славянском обряде принесения клятвы – что, видимо, и выразилось в формировании у чехов и словаков формулы «бросить секиру» [на землю] в значении 'клясться'.

По всей видимости, центральное значение положения оружия на землю в славянских клятвах связано с тем, что, по «наиболее вероятной (в том числе реально-семантически)» этимологии (предложенной А. Брюкнером) славянское **klęti* (sę) 'проклинать, клясться' связано с праславянским глаголом **kloniti* (sę) 'склоняться': «славянин во

¹ Угорские параллели не стоит упускать из виду не только в связи с многократно обсужденной информацией о клятве оружием у остяков [Mansikka 2005, 75]. Но и в свете сведений, которые как будто в контексте проблемы клятв русов вниманием сегодня обходят – клятву вогулов: «А крепость их: пьют с золота ...» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 499, prim. 60]. Т.е., гипотетическому «питью с золота» в клятве русов имеются не только тюркские – но и угорские параллели.

время клятвы склонялся до земли, касаясь ее рукой» [ESSJA 10, 38, 66-68].

Разумеется, клятва оружием у славян – лишь одна из разновидностей используемых ими клятв. Но в этом отношении славяне ничем принципиально не отличаются от, например, тех же скандинавов [Svanidze 2014, 630-631; Sumtsov 1896, 10; Pavlov-Sil'vanskii 1988, 489; Riisoy 2016, 141-146].

Продолжая о клятвах славян оружием, коснусь отдельно еще и такой, популярной у славян клятвы, как клятва камнями. Именно, того, что, как можно предположить, по крайней мере в некоторых контекстах эта клятва была тоже изначально связана как раз с клятвами Перуном – и оружием.

В пользу такого предположения служит то, что связь камня и бога-громовержца в индоевропейской вообще и славянской, в частности, традициях была раскрыта и убедительно аргументирована уже достаточно давно: «Оружием Перуна обычно являются камни» [Ivanov, Toporov 1974, 85]; ср. также: «Камень – оружие карающего бога, Перуна ...» [Levkievskaiia, Tolstaia 1999, 452]. Причем, любопытно, что камень как оружие бога-громовержца – именно самый архаичный вариант индоевропейского мифа [Ivanov, Toporov 1974, 96]. Позднее, по мере технического прогресса, его сменяли другие виды оружия громовержца – вплоть до мушкетов и дустволок.

Для нас здесь существенно, что, в частности, у римлян мы находим как раз клятву Юпитером Камнем: «Клятва Юпитером Камнем ... утверждающий клятвою договор берет в руку камень и, поклявшись ..., произносит такие слова: "... да буду повергнут, как этот камень". При этих словах произносящий клятву кидает камень» [Polibii, kn.III, gl. 25, 6-9].

Наличие этих римских параллелей (при, как увидим ниже – существовании ярко выраженной клятвы оружием у кельтов), кстати, позволяет вообще думать, что клятва оружием – традиция общеиндоевропейская. В пользу такого вывода свидетельствует, полагаю, и греческий материал – на который, кажется, ранее в контексте клятв русов тоже никто еще внимания не обращал. Именно – клятвы эфебов: «в первый год эфебии Э[фебы] приносили в храме Аглавры, в присутствии членов своих демонов, клятву, обязуясь не позорить священного оружия, ... и чтить богов своих предков» [Obnorskii 1904, 203].

По всей видимости (и принимая в расчет как раз и клятву эфебов), клятвы оружием были у индоевропейских народов изначально характерны для воинских мужских союзов; позднее – для дружинной среды и, в целом, «людей войны».

Что любопытно: среди богов, которые скрепляют клятву эфебов, на первом месте стоят Аглавра и Зевс. А по одному из мифов об Аглавре – она была обращена в камень.

Последнее, возможно, и случайное совпадение. А возможно – здесь мы опять видим проявление глубинной связи бога-громовержца, клятвы оружием и символики камня в индоевропейской традиции.²

Возвращаясь к клятвам славян оружием, остановимся еще на такой детали клятв русов, которая прямо не относится к клятвам оружием – но имеет важное значение для уяснения происхождения этой клятвы. Именно, то, что русы клянутся условно славянскими божествами, Перуном и Велесом.

Наилучшее здесь, как мне кажется, объяснение – что к моменту заключения договоров с греками русы были уже настолько славянизированы, что веровали в славянских Перуна и Велеса.³ Тем более, что в тексте ПВЛ, собственно, и абсолютно недвусмысленно указывается, что русы клянутся «по закону русскому, по вере и по обычаям нашим». Следовательно, славянские Волос и Перун – именно свои боги для русов, притом – наиважнейшие, те, которыми они клянутся.⁴

² Кстати: и в «Саге о Ньяле» при описании смерти Атли от собственного меча сначала «кто-то попал Атли камнем в руку и он выронил меч» [Fetisov 2002, 40].

³ Заметим, что «... славянский вариант договора составлялся сразу в момент их заключения, или, по крайней мере, восходит к X в.» [Stefanovich 2013, 22]. Также, ряд исследователей (особенно убедительной, как я уже отмечал [Romanchuk 2016, 68], мне представляется аргументация А.А. Гиппиуса) постарались показать, что в основе нарративного ядра ПВЛ лежала устная традиция, основанная на дружинном предании – т.н. «Древнейшее сказание» [Gippius 2012, 51-54, 58-61]. Как полагает А.А. Гиппиус, оно было записано на рубеже X-XI вв., возможно даже – еще при жизни Владимира Святославовича. И, не думаю, что носители этого дружинного предания запамятовали бы столь принципиальный для них момент, как то, какими богами клялись их старшие товарищи всего полвека назад.

⁴ В контексте рассуждений о нехарактерности «обычая клясться своими богами» для славян [Mansikka 2005, 75; Gubarev 2013, 240] замечу, что сам О.Л. Губарев цитирует сообщение Гельмольда (с комментарием А.А. Котляревского), из которого недвусмысленно следует, что в наиболее важных случаях балтийские славяне тоже клялись как раз богами. И вряд ли договор с греками кто-то сочтет случаем неважным. Вообще же, у всех славян фиксируются клятвы с апелляцией к богу – и, полагаю, нет оснований думать, что это влияние христианской традиции. Церковь как раз вообще осуждала клятву как таковую, и тем более – именем

В качестве альтернативного, и пытаясь деавуировать значение этого факта многие (в частности – и Л.С. Клейн) говорили, что скандинавы-де, находясь на чужой земле, могли именно поэтому и апеллировать к чужим богам.

Однако, на мой взгляд, такое объяснение весьма малоубедительно. Поскольку наоборот, мы именно как раз знаем по многочисленным этнографическим параллелям, что «неправильная клятва» не принималась в расчет, не считалась достойной доверия – и представители архаичных обществ всегда требовали от контрагентов договора клятвы именно своими богами (и именно «правильными» богами), и с соблюдением всех принятых в данной традиции ритуальных норм и требований.

В кельтской традиции, в сагах ульстерского (уладского) цикла, четко (и, добавлю, неоднократно – во многих сагах) зафиксирована даже такая формула клятвы, как «Я клянусь богам, которым клянется мое племя» [Shirokova 2005, 15]. Полибий же указывает: «первые договоры карфагеняне утвердили клятвой во имя отеческих богов, а римляне согласно древнему обычаю во имя Юпитера Камня» [Polibii. Vseobshchaia istoriia, kn. III, gl. 25: 6-9].

И не случайно, и русы-христиане клянутся христианским богом – тогда как язычники Перуном и Велесом. Спросим себя: что помешало бы русам просто вообще поклясться христианским богом? Ведь они находились тогда на византийской земле – где именно Христос был «местным богом».

Однако, наоборот, «известен случай, когда при заключении в 817 г. мира между болгарским царем Омуртагом и византийским императором Львом V Армянином также использовались языческие обряды. Причем некоторые из этих обрядов совершал сам император ...» [Fetisov 2002, 45].

Как совершенно справедливо подчеркивает Е.А. Мельникова в связи с договорами скандинавов: «Процедура клятвоприношения, гарантировавшая соблюдение условий соглашения, должна была опираться на систему верований каждой из сторон и использовать такие клятвы, которые были бы максимально действенны ...» [Mel'nikova 2012, 179]. И, она же цитирует сообщение саги, где участники договора очень беспокоятся, правильно ли были произнесены слова клятвы [Mel'nikova 2012, 181].

Поэтому, полагаю, наличие Перуна и Велеса в клятве русов мы должны принимать как безусловно славянский ее элемент. И исходить из того, что здесь ПВЛ сообщает нам точную и соответствующую реальному положению дел информацию.

Бога («особым видом прегрешения считалась клятва Богом, божба, нарушающая сразу два завета: о клятве и о поминании имени Божия всеу» [Antonov 2009, 43]).

Остановимся пока на этом в отношении клятв славян оружием. Но прежде чем перейти к германским параллелям, обратим свое внимание на еще одну традицию клятв оружием, которая в связи с проблемой клятв русов до сих пор, насколько мне известно, не попадала в поле зрения исследователей (впервые я процитировал эти данные в 2016 году, в предварительном обсуждении статьи В.С. Кулешова [Kuleshov 2017]: <https://www.academia.edu/s/1a999d9350/zolotyje-braslety-rusov-ix-xi-vekov-teksty-veshchi-i-funkciji-draft-2016>). Между тем, традиция эта очень выразительна – и представляет интерес как минимум с типологической точки зрения.

Я имею в виду кельтскую традицию.

Итак, для кельтской традиции «... представляется логичным интерпретировать хвастающихся воинов с мечами на бедрах как приносящих клятву на оружии. В ирландских сагах есть много примеров подобных клятв Одну из них можно найти в «Похищении коров Фроэха», где Фроэх говорит: ... («Я клянусь на моем щите, и на моем мече, и на моем оружии»)» [Borch 2005, 173-174].

Очень четко в кельтской традиции проявлено и то, что наказание за фальшивую клятву следует именно от оружия, которым поклялись: «Фальшивая клятва вызывает кару сверхъестественных сил. Меч, как гарантия правдивости, является инструментом, с помощью которого эта кара будет осуществлена» [Borch 2005, 174].

Наконец, мы видим в кельтской традиции и ярко выраженный мотив «живого оружия»: «можно также встретить примеры оружия, которое является «живым» несколько по-иному. В «Смерти Маэлодрана сына Димма Кронь» есть следующее описание копья: ... («[и если] кто не оставлял ничего с ним [с копьем] — оно выпрыгивало между них и учиняло резню») ...» [Borch 2005, 176].

И, надо заметить, что накопленная наукой (историей, археологией и лингвистикой) на сегодняшний день сумма знаний о взаимоотношениях кельтов и германцев в эпоху латена (и ранее) позволяет считать, что именно кельтская традиция клятв оружием оказала значительнейшее влияние на таковую у германцев (даже если клятва оружием была вообще характерна для индоевропейцев). Кстати: «германские слова со значением 'клятва' и 'заложник' считались и кельтскими заимствованиями, и независимо развившимися из протоиндоевропейского, формами» [Kuz'menko 2011, 112; см. также: [Smirnitskii 1998, 192].

Переходя теперь к германской традиции, начнем с того, что клятва оружием была, как хорошо и давно известно, характерна не только для скан-

динавов, но вообще для германцев: «Клятва мечом и шитом была обычна у всех германцев (Гримм D. Alterth. 896, 899) ... Ius iurandum in armilla sacra было и в древней Англии (Ethelred. Hist. Angl.) Duc. Glos. med. lat. I. 403» [Sreznevskii 1893, 1236].

Однако, важнейший момент, отмеченный уже более чем сто лет назад – но при рассмотрении клятв русов так в расчет, похоже, и не принимаемый: хотя «германцы также клялись оружием, но совершенно иначе чем русские. Они произносили клятву, держа обнажённый меч или кладя руку на рукоятку меча, вонзённого в землю, тогда как русские клялись, положив на землю мечи, щиты и обручи» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 500, со ссылкой на Я. Гримма: Grimm J., Deutsche Rechtsalterthümer, p. 165].

Наличие такой разницы между клятвами оружием у русов (и славян) – с одной стороны, и германцев (включая скандинавов) – с другой, уже, полагаю, должно побудить нас к тому, чтобы искать и иные истоки клятв русов, нежели скандинавские.⁵

Тем более, что засвидетельствованная в «Песне о Велунде» клятва оружием упоминает меч лишь после «борта корабля» и «конской спины»: «by the side of a ship and the rim of as hield, the back of a horse and the edge of a blade» [Riisoy 2016, 141]. И эту же последовательность: «корабль, конь, меч» - мы видим и во второй из зафиксированных у скандинавов клятв оружием, клятве Дага [Riisoy 2016, 142, tab. 1].

Клятвы на кольцах: славяне, германцы и кельты

Но, давайте сначала посмотрим на клятвы на кольцах – составляющие столь яркую черту правовой традиции скандинавов. И начнем с вопроса, который, опять-таки, насколько мне известно, не ставился в контексте исследования клятв русов: а были ли и у славян клятвы на кольцах – по крайней мере, в определенных контекстах? Полагаю, что мы должны ответить на этот вопрос утвердительно.

⁵ Кстати, Н.П. Павлов-Сильванский приводит и ряд других примеров, когда тот или иной обряд клятвы у славян и германцев, обнаруживая определенный параллелизм – одновременно же демонстрирует и радикальные смысловые, или структурные отличия. В частности, это относится к обряду разувания жениха (у русских) и обувания невесты (у германцев). Как помним, Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, не желая выходить за Владимира, заявляла, что не хочет «разуть робичича»: «Гримм замечает, что германский обычай делает ударение на обувании невесты, русский – на разувании жениха» [Pavlov-Sil'vanskii 1988, 497]. Есть и иные черты портрета русов X в., которые как будто не находят себе аналогий в скандинавской (и даже вообще германской) среде. По крайней мере, в свое время А. А. Куник таковых не нашел (подробнее: Romanchuk 2017a, 70, prim.3).

Начнем с того, что мы имеем слово обручиться – фактически, в значении как раз ‘принести клятву’; и наблюдаем в восточнославянских брачных традициях очень высокий статус обряда обручения: «отказ от О[брученья] считается делом бесчестным, долженствующим навлечь на виновного как небесную, так и земную кару ...» [Nechaev 1897, 579].

Разумеется, вопрос здесь: как связаны обруч и обручение? В том числе: происходит ли обручение «... от слова обручи, означающего в этом случае перстни или кольца ... или, что вероятнее, от соединения рук брачующихся» [Barsov 1897, 580]?

В ходе вышеупомянутого обсуждения статьи [Kuleshov 2017], В.С. Кулешов как раз выразил сомнения по поводу высказанного мной тезиса о связи между обручем и обручением: «Что касается обручения, то это вообще не от обруча (который никогда и не был ‘кольцом-перстнем’, а был исходно ‘кольцом-запястьем’). Это элемент глагольного словообразовательного ряда Здесь общая семантика ‘руки’».

Разумеется, не вызывает сомнений, что здесь «общая семантика ‘руки’». Да и в отношении этимологии праслав. **obrǫčenyje* принято считать, что это «производное с суф. -enyje от гл. **obrǫčiti (sę)*» [ESSJA 29, 110]. А **obrǫčiti (sę)*, в свою очередь – глагол, «производный, вероятно, от сочетания **obъ rǫka*, обозначавшего рукопожатие при заключении договора, сделки, помолвки» [ESSJA 29, 111].

Однако, все это отнюдь не является препятствием к тому, чтобы между обручением и обручем существовала и иная семантическая, а также, что еще важнее – ритуально-обрядовая связь. И чтобы при обручении (как помолвке), наряду с рукобитием – не использовались и кольца (обручи).

И здесь стоит для начала отметить, что уже в отношении глагола **obrǫčati (sę)* вопрос этимологии предлагается решать одним из двух путей: либо это «итератив-имперфектив с -а- основой от **obrǫčiti (sę)*, или отыменный глагол, производный от *obrǫčъ*» [ESSJA 29, 109]. Что и понятно: в некоторых славянских языках (сербо-хорватский, словенский, польский) мы имеем производные праслав. **obrǫčati (sę)* со значением ‘надевать обручи, кольцо’.

Далее, хотя исходно *obrǫčъ* – ‘кольцо, браслет, которое славянские женщины надевали между локтем и плечом’ [ESSJA 29, 114], или же, что кажется убедительнее – «браслет-запястье» [Kuleshov 2012, 164-165], но спектр его значений в различных славянских языках показывает, полагаю, что уже в праславянское время происходит расширение семантики – и *obrǫčъ* начинает обозначать (как синоним и как более общее понятие) и ‘браслет-

запястье, и 'перстень', и 'гривна' (как шейное украшение). А, возможно, и 'венец'.

Собственно, о расширении понятия *obrǫčь* в древнерусском и для обозначения гривны как шейного украшения мы знаем и из прямого указания древнерусских письменных источников [Korzukhina 1954, 52-53, 56; Kuleshov 2012, 156, 157]) Согласно им, также в XI в. обручами называли и ножные кандалы [Korzukhina 1954, 53, prim. 5).

Что касается конкретно перстней, то в различных славянских языках мы имеем производные праслав. **obrǫčьkъ* /**obrǫčьka* (букв.: 'маленький обруч') – со значением 'кольцо, перстень', или даже 'обручальный перстень, кольцо' [ESSJA 29, 115-116]. И, нагляднейшим подтверждением праславянской датировки процесса расширения понятия *obrǫčь* и для обозначения колец-перстней служит и то, что «из славянского заимствовано венгерское *aBroncs* 'перстень, круг'» [ESSJA 29, 114]. Заимствование это, как очевидно, раннее – и надо полагать, что в самом праславянском расширении значения произошло еще раньше.⁶

Если же рассматривать ритуально-обрядовую сторону проблемы, то кольцо-перстень в народных славянских гаданиях – прочнейшим образом связано именно с обручением и свадьбой. И играет важнейшую роль как раз в обрядах обручения.

Именно, «кольцо ... в некоторых ситуациях становится заместителем жениха и невесты. Во многих местах при сватовстве, обручении, стоворе или венчании стороны обменивались кольцами. Обычно жених посылал невесте кольцо вместе с другими подарками. Принятие или дарение кольца служило знаком согласия девушки выйти замуж: «Без прстена нема разговора» [Без кольца нет разговора] (черногор.). При ухаживании парень надевал девушке на палец соломенное кольцо (пол.), Кольцо служило символом брачного соединения, поэтому при браке по принуждению, девушка иногда противилась надеванию ей кольца отцом (рус.твер.). У бе-

⁶ Надо здесь также заметить, что по своей форме сам обруч – это частный случай понятия 'кольцо, круг'; так что, мы имеем здесь дело со своего рода обратным процессом – когда первоначально более узкое понятие становится расширительным, и включающим и то, которое изначально было для него родовым. Особо выделил бы также здесь связь между кольцом и колачом (кольцеобразным ритуальным хлебом; как указывает А. В. Гура, кольцеобразная форма колача\каравая в славянских традициях не так и часта [Gura 2012, 243]) - и обручением. Так, в сербском *solačić* – 'обручальное кольцо' [ESSJA 10, 118]; в украинской свадебной обрядности (по крайней мере - в локальной традиции с. Булаешты Орхейского р-на Республики Молдова): «принять\дать колачи» - 'дать\попросить согласие'.

лорусов во время стовора дружки 3 раза поднимали на платке кольцо ...» [Valentsova 1999, 563].

Более детальная информация об использовании кольца в славянских обрядах обручения содержится в [Gura 2012, 409-410]. И, А. В. Гура подчеркивает: «особо следует выделить распространенный в разных славянских традициях обмен кольцами во время обручения ...» [Gura 2012, 410]. Причем, у нас есть и многочисленные примеры из различных славянских традиций, когда обряд обмена кольцами-перстнями, очевидно – в силу своей центральной роли в обряде обручения, давал название и самому обряду: центр.-словац. *prstene*, болг. пръстен, во многих серб. говорах - прстенованье, и др. [Gura 2012, 410].

В русских народных говорах мы имеем и прямые свидетельства, что процесс обмена кольцами при обручении именовался клятвой: «Давай, милка, сделам клятбу Переменимся кольцом» [SRNG 13, 337]. А в некоторых других славянских традициях само обручальное кольцо - именуется верой (у черногорцев района Котора [Gura 2012, 409]), т.е., буквально – 'верностью'; вообще у черногорцев и сербов (если не говорить о диалектизмах) 'обручальное кольцо' – веренички прстен.

Наконец, в православной традиции письменное изложение чинопоследования обручения не восходит ранее VIII в. («Барберинов список»), и в нем еще нет слов «обручаются раб божий...»; но уже «в крипто-феррарском списке (XIII в.) есть и надевание колец обручающимся с произнесением слов «обручается раб божий» и т.д.» [Barsov 1897, 580].

По всей видимости, такая эволюция православной традиции (при, вообще, изначально отрицательном отношении христианства к клятве – см. выше) должна объясняться наличием мощного, устойчивого представления об обязательности использования колец-перстней при обручении в той языческой среде, на которую эта христианская традиция прививалась. То есть, в данном случае – славянской среде.

Таким образом, вышеизложенное позволяет, думаю, заключить, что в славянской традиции клятва с использованием колец существовала при, по крайней мере, обручении.

Существовала ли она ранее и в других контекстах? Вопрос этот требует отдельного рассмотрения. Но я полагаю это вполне вероятным и перспективным предположением.

Во всяком случае, эволюция термина обруч для обозначения и кольца-перстня требует допустить параллельное развитие и символики. И предположить, что ранее и в иных контекстах клятвы – славяне могли использовать для клятвоприношения и обручи-браслеты (запястье, зарукавье, нару-

чь, поручье и пр.), а также - и шейные гривны.

То же, что с принятием христианства клятва на обручьях - браслетах и гривнах исчезает, сменяясь тем же крестоцелованием – не представляет собой нечто странное и необъяснимое. Аналогичным образом в той же скандинавской традиции клятва на кольцах заменяется клятвой на книге [Svanidze 2014, 630-631].

Помимо того, рассуждая о существовании у славян клятвы на кольцах, мы, как и в случае с оружием, по всей видимости должны рассматривать славянские данные лишь как проявление общинно-европейской традиции.

Так, по римскому праву при обручении в качестве задатка «обыкновенно было кольцо» [Nechaev 1897, 578]. В кельтской традиции, в уже упомянутой саге уладского цикла «Похищении стад Фроэха», Финдабайр говорит Фроэху: «Я полюбила тебя, возьми же это кольцо, и пусть оно будет залогом меж нами» (<http://mybiblioteka.su/9-81498.html>).

Также, для кельтской традиции мы можем говорить об использовании шейной гривны (*torques*) для принесения клятв. В частности, одну из валлийских легенд на этот счет приводит Гиральд Камбрийский: “Moreover I must not be silent concerning the collar {torques} which they call St. Canauc’s; ... it is esteemed by the inhabitants so powerful a relic, that no man dares swear falsely when it is laid before him” [Girald 1978, 24].

Согласно же представлениям раннесредневекового ирландского обычного права (BrehonLaw), именно *torques* был эмблемой толкователей закона (которые представляли собой органическое развитие друидов эпохи кельтского язычества). И, в случае, если толкователь закона «отходил от правды», *torques* сжимался вокруг его шеи и душил: “The badge of office of the jurist was a torque and if a jurist spoke an untruth, according to legend, it would tighten around his neck and strangle him” [Higgins 2011, 4].

Переходя теперь к германской традиции, мы, поскольку она, в отличие от славянской, рассмотрена в контексте клятвы русов весьма детально, можем сразу сконцентрировать внимание на вопросе сходства или различия ее с клятвой русов.

И, тоже сразу же, отметить, что имеется радикальное отличие между германской (включая скандинавскую) традицией – и традицией клятв русов.

Именно, русы клянутся на личных обручьях (что бы на деле под ними не скрывалось; я бы все же не исключал, что в данном случае имелись в виду как браслеты-запястья, так и шейные гривны (как в свое время предлагала Г.Ф. Корзухина [Korzukhina 1954, 53]) – слагая их с себя. А скандинавы (и германцы в целом) – на алтарных кольцах.

Так, Е. А. Мельникова указывает, что «сакральные обручи или кольца (*baugr, hringr*) ... имеют специальное название – *stallahringr* или *stallabaugr* (от *stalli* «алтарь в языческом капище»), т.е. «кольцо жертвенника», «алтарное кольцо» [Mel’nikova 2014, 178]. Аналогичные сведения содержатся и у А.А. Сванидзе: «Язычники приносили клятву, положив руку на особое, посвященное богам кольцо, которое хранилось в капище (так называемая «кольцевая клятва», *baugeidr*)» [Svanidze 2014, 630-631].

Детализируя эту информацию, Е.А. Мельникова добавляет ряд сведений, которые подчеркивают неразрывную (на мой взгляд) связь «колец клятвы» именно с алтарем, святилищем, сакральным местом: «В «Саге о людях с Килевого мыса» определяется, что «на алтаре (в святилище. – Е.М.) должно лежать большое кольцо, сделанное из серебра. Годи святилища должен иметь его на руке при каждом собрании людей. На нем все люди должны приносить клятву (*eiðr*), давая любые свидетельские показания» [Mel’nikova 2014, 183].

То, что для германской традиции была характерна клятва именно на алтарных кольцах, свидетельствуют как будто и сведения средневековой европейской традиции, которые представляют собой реминисценции до-христианских представлений континентальных германцев.

Так, «христианские варианты церемонии клятвы включали, например, клятву на кольце церковных ворот, омытых кровью». А «Прессбургская (Pressburg) клятва 1376 г. требует от еврея клятвы на кольце ворот синагоги» (EiKh).

То есть, в континентальной Европе после христианизации произошло тоже, что и в Скандинавии: “Where as in heathen times a sacred ring lay inside the “temple” hof or hung on the doors of cultic buildings or aristocratic halls ... after the conversion, rings were hung on church doors” [Riisoy 2016, 145].

Таким образом, и в клятве на кольцах мы можем говорить о серьезном отличии клятв русов от скандинавской традиции.

Происхождение клятвы русов: историко-археологический и лингвистический контекст

Все вместе это заставляет предположить, что истоки клятвы русов все же действительно иные – при всей, на первый взгляд, схожести со скандинавскими и вообще германскими.

То, что (как общепринято – и что рассматривается как решающий аргумент в пользу происхождения и клятвы русов и самих русов), имена русов в подавляющем большинстве – скандинавские, насколько этому не препятствует.

Во-первых, если происхождение имен – вопрос лингвистический, то происхождение русов и их клятвы – исторический. И отождествлять эти два вопроса, при всей их связанности - не следует.

Во-вторых, как я уже неоднократно отмечал [Romanchuk 2013, 105; Romanchuk 2017, 246], не только с лингвистической, но прежде всего и именно с исторической точки зрения высочайшую ценность представляет вывод С.Л. Николаева о том, что носители «русско-варяжского диалекта» («русь Олега и Игоря», как я предложил бы ее обозначать – используя термин А.Г. Кузьмина) не могут быть выведены ни из древнедатского, ни древнешведского, ни древнесеверного ареалов VIII-X вв.н. э. А представляют собой более раннее ответвление от северогерманского ствола («Отделение диалекта «русских варягов» от прасеверогерманского предпочтительно отнести к VI-VII вв. н. э.» [Nikolaev 2017, 31]; на мой взгляд [Romanchuk 2017, 253-254] – событие это следует отнести ко времени более раннему, «после переселения готов на материк и до переселения данов в Ютландию»).

Не меньшую ценность представляет собой и другой вывод С. Л. Николаева - что имя Рюрика демонстрирует некоторые фонетические особенности, также отличающиеся от древнешведского, древнедатского и древнесеверного языков [Nikolaev 2017, 37, tab. 5). А имена Трувора и Синеуса «на самом деле не имеют достоверных скандинавских соответствий» [Nikolaev 2017, 48].⁷

То есть, и имена «руси Рюрика, Трувора и Синеуса» (опять-таки, используя термин А.Г. Кузьмина) указывают нам на некие иные, отличные от

⁷ В частной переписке С. Л. Николаев высказался в пользу возможности «фразовой интерпретации» имен Трувора и Синеуса несколько настойчивее, нежели в статье. Однако, полагаю, идея «фразовой интерпретации» все-таки критики не выдерживает. Не имея здесь возможности высказаться пространно, ограничусь главным: весьма, на мой взгляд, неправдоподобно, чтобы имена Трувора и Синеуса как центральных персонажей «призвания варягов» не были сохранены «Древнейшим сказанием» (см.: [Girpius 2012]), а были интерполированы летописцем позднее. Тем более - из весьма гипотетического источника. И при этом летописец, с одной стороны, проявляет чрезвычайную (я бы сказал – поразительную) эрудированность. А с другой – и поразительное невежество, не распознав «стандартную формулу». Наконец, страннейшим же образом, в своем «непонимании» летописец не нашел ничего лучшего, как предложить в качестве прочтения надписи имена, аналогии которым в Скандинавии неизвестны нам – и, надо думать, равно были неизвестны и летописцу. А если были – то к чему тогда «фразовая интерпретация»?

древнешведского, древнедатского и древнесеверного, ареалы.⁸

Следовательно, характерные особенности клятвы русов, по всей видимости, должны найти свое объяснение именно в истории либо «руси Рюрика, Трувора и Синеуса», или, что скорее – «руси Олега и Игоря».

Где, однако, локализовать исходные ареалы миграции этих двух групп руси?

В отношении «руси Рюрика, Трувора и Синеуса» ранее я обратил внимание на имеющуюся как будто возможность отыскать прототипы для, по крайней мере, части из них в континентально-германской среде.⁹ И, соответственно, предположить исходным регионом их миграции Юго-Запад Балтики (включая, безусловно, не только земли балтийских славян, но и Южную Ютландию - район «раннегосударственного образования с центром в Хедебю»; Е. А. Мельникова убедительно поясняет, почему неправомерно именовать это образование – Данией [Mel'nikova 2008, 12, prim. 3]).¹⁰

⁸ Вывод этот, замечу, представлялся мне вполне явным уже по соображениям исторического и археологического характера [Romanchuk 2013, 97-102].

⁹ Что касается кельтских параллелей для некоторых из них (Труан, и, возможно, Трувор и Рюрик), то эти параллели, на мой взгляд, как раз подчеркивают актуальность не только типологического обращения к кельтскому материалу при рассмотрении происхождения клятвы русов. Если сообщение св. Иеронима о доживании сохранивших свою идентичность и язык треверов до раннего средневековья соответствует действительности (что, разумеется, требует дальнейшей проверки), то эта, не полностью еще ассимилированная германцами группа, тоже должна учитываться при поиске как источника этих имен, так и искомого влияния на формирование клятвы русов.

¹⁰ Для «раннегосударственного образования Хедебю» помимо данов – к которым относился и правящий род, мы не должны упускать из виду фризов («В начале VIII в. в южной части Ютландии возникает Хедебю (Хайтабу) как фризская торгово-ремесленная фактория» [Zav'ialov, Rozanova, Terekhova 2012, 38]). А также - какие-то остатки англо- и ютов (подробнее: [Romanchuk 2015, gl. 3]). В варианте статьи [Romanchuk 2017], отправленном в редакцию, я обратил внимание еще на некоторые следы раннего фризского влияния в древнерусском ареале (прим. 7). К сожалению, это примечание, как и все прочее, при публикации выпало. Рекомендую читателям обращаться к оригиналу, размещенному в (<https://www.academia.edu/33723333/>). Здесь отмечу только (в контексте вопроса о фризах и Бирке [Romanchuk 2015, gl. 3]), что лингвисты этимологизируют само название Бирка от фризского слова [Steblin-Kamenskii 1953, 275-276]. А также укажу на работу И. Кошкина, который аргументирует именно фризский источник одного весьма любо-

Правда, С. Л. Николаев считает (замечание, высказанное в частном обсуждении), что мы должны рассматривать носителей этих имен как скандинавов, инфильтрировавшихся в континентально-германскую среду.

Как я уже неоднократно говорил, я ничего не имею против скандинавов вообще, и в данном случае – в частности. И если следовать мысли С.Л. Николаева, то мы могли бы интерпретировать «русь Рюрика, Трувора и Синеуса» на Юго-Западе Балтики по, например, модели, известной из «Саги о йомских витязях».

Однако меня в этой ситуации все же смущает то, что ряду ключевых имен (как Трувор и Синеус) этой группы руси мы скандинавских аналогий так пока и не обнаруживаем. А для большинства прочих (включая Рюрика) – все же характерны фонетические особенности, делающие их, по крайней мере, нетипичными для скандинавских (древнешведских, древнедатских и древнесеверных).

Кроме того, я сомневаюсь в том, чтобы имена из Лиможа V-VI вв. (или вестготского Толедо VII в.), равно как и имена из полиптика Ирминона – действительно были связаны со скандинавами.

Как бы то ни было, Юго-Запад Балтики в рассматриваемое время представлял собой, как очевидно, весьма полиэтничный регион, в котором шли сложные процессы межэтнических взаимодействий различных славянских и германских групп.¹¹ И, соответственно, в результате этих слож-

пытного древнерусского слова [Koshkin 2006, 217-218]. Я бы добавил сюда (как свидетельство раннего влияния на др.-рус. ареал из континентально-германской среды и, скорее всего – именно Юго-Запада Балтики) и др. рус. луда 'плащ'. Во всяком случае, в скандинавских языках мы имеем *loði* 'грубая верхняя одежда'. Тогда как в древненижненемецком: *lodara* 'лоскут', *lotho* 'плащ'; в древневерхненемецком - *lodo* (*ludo*) 'грубая шерстяная ткань, плащ из нее'; в древнеанглийском же - *loða* 'плащ' [ESUM 3, 300]. Ср.: [Litvina, Uspenskii 2016, 27-28, prim. 4].

¹¹ Так, вполне очевидно, что у балтийских славян имелся германский субстрат. На сегодняшний день его не отрицают уже и археологи, признавая, в частности, для Рюгена [Ganina 2015, 66]. Впрочем, наличие на Юго-Западе Балтики до-славянской топонимии уже должно бы расставить все точки в этом вопросе. И, кстати, мы не можем исключать, что достаточно долго, вплоть до VIII в., по крайней мере, какие-то германские группы в регионе оставались не до конца ассимилированными балтийскими славянами. Во всяком случае, сами балтийские славяне впоследствии ассимилировались очень и очень долго – отдельные их группы сохраняли язык и обычаи вплоть до XVII века [Ivanova-Buchatskaia 2006].

То, что германский субстрат был достаточно значителен – особенно ясно и из того, что, как показала С.Л. Санкина, антропологический тип балтийских славян

демонстрирует германское влияние.

Пользуясь случаем: недавно С. Л. Санкина еще раз обратилась к вопросу о связи балтийских славян и населения новгород-псковских земель в очень важной и интересной (как обычно) статье [Sankina 2017]. Надеюсь, у меня еще будет возможность высказаться подробнее по затронутым ею проблемам. Здесь все же считаю необходимым прокомментировать некоторые ее выводы. Прежде всего – что касается следующего: «Автор, несомненно, лукавит, делая вид, что, не будучи антропологом, он не понимает, что германский комплекс – понятие более широкое, включающее в себя скандинавские локальные варианты ... Таким образом, предположение о том, что в основе моих рассуждений лежит смешение понятий «германское» и «скандинавское», представляется несколько натянутым» [Sankina 2017, 267]. Увы, в пылу полемики С.Л. Санкина все же, видимо, не обратила внимание, что я именно пытался подчеркнуть: для антропологической и исторической интерпретации серий с территории Руси, демонстрирующих «германский комплекс», ключевое значение имеет именно различие вообще германского – и специфически скандинавского. Никто не сомневается (и я – меньше всего), что германский комплекс включает в себя и скандинавские варианты. Вопрос в обратном: а скандинавские ли те серии Восточной Европы, которые демонстрируют «германский комплекс»?

Именно это я имел в виду, когда говорил, что «германское – не значит обязательно скандинавское».

Между тем, сама С.Л. Санкина и в новой работе указывает, что в ее «задачу не входило выделить собственно скандинавские особенности внутри германского кра-ниологического комплекса» [Sankina 2017, 267].

Что же касается «методов многомерной статистики» – то, полагаю, С.Л. Санкина лучше меня знает, сколько еще на сегодняшний день здесь нерешенных вопросов в физической антропологии. Думаю, она, как и я, с большим интересом наблюдала за обсуждением А.Г. Козинцевым и И.Г. Ширококовым некоторых из этих проблем (<https://www.academia.edu/s/d813be5fc6/0pdf>). И, кстати, в этой же связи добавлю, что согласно предварительным результатам анализа палеоДНК древнерусских князей «из Луцка и Чернигова» в лаборатории Университета Копенгагена – они не имеют следов скандинавского компонента (https://www.youtube.com/watch?v=vcs_wzmfv38, смотреть с 1:27:00; очень признателен И.В. Горофянюк, обратившей мое внимание на эту информацию; но, разумеется, будем ждать итоговых результатов и их научной публикации).

Применительно же к серии из Ладоги – мы никак не должны упускать из виду, что она может иметь своей причиной события уже XI в. (подразумеваю женитьбу Ярослава Мудрого на Ингигерд и отдачу им Ладоги под управление ярла Рёгнвальда Ульвссона).

Второй момент, требующий, полагаю, оперативного пояснения, касается серии из Хрепле и идеи об экстраполяции ее близости к славянам Нижней Вислы на проблему родства новгородцев и балтийских славян в

ных взаимодействий и могла сложиться характерная для русов X в. традиция клятвоприношения.

Однако, в генезисе клятв русов X в., как кажется, в первую очередь мы должны «винить» носителей «русско-варяжского диалекта» - т.е., «русь Олега и Игоря». Именно эту группу руси представляет большая часть имен, зафиксированных ПВЛ. Да и сам «этноним русь, если он восходит к ПСГ *rōfrs- ... отражает «русско-варяжскую» фонетику» [Nikolaev 2017, 31, prim. 88].¹²

И, взаимодействие «руси Олега и Игоря» со славянами явно началось очень рано – не позднее VIII в. н. э.¹³

целом [Sankina 2017, 267].

Прежде всего: насколько помню, я не только не предлагал такой экстраполяции, но и вообще никак не акцентировал внимания на серии из Хрепле. Но зато, уже в работе [Romanchuk 2013a] я постарался обратить общее внимание, что применительно к проблеме связей Руси и балтийских славян объединяются (и часто – незаметно для исследователей) на самом деле два отнюдь не связанных вопроса: о происхождении псковских кривичей и новгородских словен, и, второй, - о связях Юго-Запада Балтики и Руси в IX-X вв. Во втором случае очевидно, что речь может идти лишь о переселении на Русь сравнительно небольших групп балтийских славян (а никак не о тотальной смене населения новгород-псковских земель) – и тогда Хрепле как раз вполне может отражать одну из таких групп, поселившуюся компактно.

¹² Правда, мне представляется более вероятной несколько иная этимология этнонима русь [Romanchuk 2016, 70-71]. Добавил бы к сказанному ранее в отношении “древнего семантического сближения и. -е. *rughī ‘рожь’ – и «и. -е. группы rudh-/rudh-/roud-(reudh-)»” (что, как я говорил, позволяет не отбрасывать здесь из рассмотрения и этноним руги; по предполагаемой мной модели, он должен рассматриваться как ранний германский экзоэтноним народа, чье собственное именование было связано с вышеупомянутой «и. -е. группой rudh-/rudh-/roud-(reudh-)»; впрочем, не стоит упускать здесь из виду и характерный для балтских языков переход t, d’ в k, g’ [Dubasova 2008, 92]) и ссылку на недавние выводы М.М. Валенцовой, которая предлагает «к балто-славянским [а также германским – А.Р.] параллелям раннего периода ... отнести и пару: лит. Rugių boba – серб. Баба Руга, или Баба Рога. Лит. Rugių boba – ‘ржаная баба’» [Valentsova 2016, 75-79].

¹³ В пользу этого свидетельствует и очевидный факт раннего возникновения собственно славянского уже этнонима русь [Romanchuk 2013, 108]. Что ясно также, в частности, и из известного сообщения Бертинских annalov о посольстве русов. Как известно, предлагаются два варианта перевода этого сообщения: либо эти люди сами именовали себя русами, либо их так именуют другие. Но суть здесь в том, что если принять во внимание расстояние между Ингельхаймом и той территорией в Восточной Европе, где располагался «каганат русов» (где

Что касается локализации исходного (и промежуточного – той территории в Восточной Европе, где «русь Олега и Игоря» располагалась в промежутке между переселением в Восточную Европу и возникновением Древнерусского государства) ареала миграции «руси Олега и Игоря», то здесь мы пока можем только гадать. Один из возможных вариантов локализации «промежуточного» ареала я предложил ранее [Romanchuk 2017, 253]. Но, должен еще раз подчеркнуть, что пока это не более чем предположение.¹⁴

бы его ни локализовать), то нет никакой иной причины, чтобы некие свеоны (что здесь имелось в виду хронистом – на самом деле вовсе не очевидно; отнюдь нельзя исключать, что он использовал наименование свеоны по принципу «близкие – значит тождественные») назвали себя в Ингельхайме русами, как то, что к началу IX в. это было, по крайней мере, их устойчивым и общепринятым именованием для всех соседей в Восточной Европе. То есть, даже если изначально это был экзоэтноним – к началу IX в. он уже проделал львиную часть пути к превращению в само-наименование. И этот путь явно происходил в тесном взаимодействии руси и окружающих их славянских (и неславянских) народов Восточной Европы.

¹⁴ Во всяком случае, мне не кажется удачной идея, что «русско-варяжский диалект» мог существовать в рамках Ладоги, а позднее – Гнездова, Тимерева и подобных им поселений. Прежде всего – представляется совершенно недостаточным тот демографический потенциал, который могла обеспечить Ладога. Я не вижу, каким образом это, весьма незначительное на самом деле поселение, могло бы стать источником той, очевидно, достаточно многочисленной и значительной руси, которая составила весьма существенную (по крайней мере) часть правящей элиты Древнерусского государства.

Да и, нам следует полностью отдавать себе отчет в реальном статусе вышеперечисленных поселений – которые, по всей видимости, представляли собой не более чем полиэтничные специализированные торговые «фактории» (и, скорее всего, именно торговыми, или торжищами (по характерной славянской топонимической модели (ср.: Ясский торг, Романов торг и пр.)), они и именовались – сопоставим это с заимствованием славянского торгового термина в скандинавские языки [Steblin-Kamenskii 1953, 286]). Располагаясь в низменной и неудобной для обороны местности, они соседят с гораздо более выгодно расположенными синхронными славянскими (или финно-угорскими) крепостями – которые, очевидно, и представляли собой реальные центры политической власти в этих регионах. Это было уже давно очевидно для Ральсвика и Ладоги (рядом с последней мы имеем Любшу), для Сарского 2 [Zav’ialov, Rozanova, Terekhova 2012, 195], и, наконец, стало очевидно (хотя, как мне кажется – ожидаемо) для Гнездова – поскольку был обнаружен слой VIII - первой половины X вв. в Смоленске [Ershov i dr. 2017].

В качестве исходного же, не исключено, стоит рассматривать опять-таки Юго-Запад Балтики. Во всяком случае, на это намекает ряд фактов (в частности: что касается отмеченной Е.А. Мельниковой характерности имени Хельги для легендарных правителей о. Зеландия – при, еще раз подчеркнем, его отсутствии в именовании правителей данов и членов их семей (подробнее: [Romanchuk 2013, 102])).

Однако и в данном случае – необходимы дальнейшие поиски.

Для нас же самое важное в другом: где бы ни локализовать исходный и промежуточный ареалы как «руси Рюрика, Трувора и Синеуса», так и «руси Олега и Игоря», наличие отчетливых славянских параллелей клятве русов, при ее существенных отличиях от скандинавской и вообще германской традиции – позволяет думать, что клятва русов сложилась как раз в результате длительного взаимодействия со славянами и славянизации либо первой, либо второй (что скорее).

Библиография

- Antonov 2009:** D.I. Antonov, *Kliatva i krest: problema sudebnoi prisiagi v drevnerusskoi pravovoi kul'ture XVI-XVII v. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 1 (35), 2009, 42-53 // Д. И. Антонов, Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI—XVII в. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 1 (35), 2009, 42-53.
- Afanas'ev 1865:** A.N. Afanas'ev, *Poeticheskie vozreniia slavian na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovani, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov*. Т. 2 (Москва 1865) // А.Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2 (Москва 1865).
- Bagautdinova 2001:** G. Bagautdinova, *Traditsionnye obychai, obriady i pover'ia bashkir, sviazannye s predmetami vooruzheniia. Vatandash* 1, 2001, 96-102 // Г. Багаутдинова, Традиционные обычаи, обряды и поверья башкир, связанные с предметами вооружения. Ватандаш 1, 2001, 96-102.
- Barsov 1897:** N.I. Barsov, *Obruchenie (tserk.)*. In: (ed. F.A. Brokgaуз, I.A. Efron) *Entsiklopedicheskii slovar'*. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 580-581 // Н.И. Барсов, Обручение (церк.). In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) *Энциклопедический словарь*. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 580-581.
- Belova 1999:** O.V. Belova, *Kliatva*. In: (ed. N.I. Tolstoi) *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* (v 5 tt.). Т. 2 (Москва 1999), 512-514 // О. В. Белова, Клятва. In: (отв. ред. Н.И. Толстой) *Славянские древности: этнолингвистический словарь* (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 512-514.
- Borch 2005:** Zh. Borch, *Predznamenovaniia, predskazaniia i ispytaniia: demony i oruzhie v drevneirlandskikh tekstakh*. In: (ed. T.A. Mikhailova) *Mifologema zhenshhiny-sud'by u drevnih kel'tov i germancev* (Москва 2005), 172-191 // Ж. Борч, Предзнаменования, предсказания и испытания: демоны и оружие в древнеирландских текстах. In: (отв. ред. Т.А. Михайлова) *Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев* (Москва 2005), 172-191.
- Dubasova 2008:** A.V. Dubasova, *O smeshenii nebnopalatal'nykh i dental'nykh v baltiiskikh i slavianskikh iazykakh. Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* 30 (67), 2008, 90-94 // А. В. Дубасова, О смешении небнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках. Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради 30 (67), 2008, 90-94.
- EiKh:** *Evrei i khristiane: polemika i vzaimovliianie kul'tur*// Евреи и христиане: полемика и взаимовлияние культур. <http://online-books.openu.ac.il/russian/jews-and-christians-in-western-europe/part4/chapter4.html> Дата обращения: 30.03.2018.
- Ershov et al. 2017:** I.N. Ershov, N. A. Krenke, T. Iu. Murentsev, O.M. Oleinikov, V. A. Raeva, *Istochnikovaia baza po arkheologii Smolenska VIII-XIIIvv. Rossiiskaia arkheologiia* 1, 2017, 70-86 // И.Н. Ершов, Н.А. Кренке, Т.Ю. Муренцев, О.М. Олейников, В.А. Раева, Источниковая база по археологии Смоленска VIII-XIII вв. Российская археология 1, 2017, 70-86.
- ESSJA 10:** *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond. Vyp.10* (Москва 1983) // *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 10* (Москва 1983).
- ESSJA 29:** *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond. Vyp. 29* (Москва 2002) // *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 29* (Москва 2002).
- ESUM 3:** *Etimologichnii slovník ukraïns'koï movi*, Т. 3 (Київ 1989) // *Этимологічний словник української мови*, Т. 3 (Київ 1989).
- Fetisov 2002:** A.A. Fetisov, *Ritual'noe sodержanie «kliatvy oruzhiem» v russko-vizantiiskikh dogovorakh X v.* In: (ed. M.A. Robinson) *Slavianskii al'manakh* 2001 (Москва 2002), 36-46 // А.А. Фетисов, Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. In: (отв. ред. М.А. Робинсон) *Славянский альманах* 2001 (Москва 2002), 36-46.

- Ganina 2015:** N.A. Ganina, *Tainy riugenskikh slavian*. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 2015, 65-81 // Н.А. Ганина, Тайны рюгенских славян. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2, 2015, 65-81.
- Gerald 1978:** Gerald of Wales, *The Journey through Wales and The Description of Wales* (Hannondsworth 1978).
- Gippius 2012:** A.A. Gippius, *Do i posle Nachal'nogo svoda: ranniaia letopisnaia istoriia Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoi rekonstruktsii*. In: (ed. N.A. Makarov). *Rus' v IX-Xvekh: arkheologicheskaiia panorama* (Moskva-Vologda 2012), 37-63 // А.А. Гиппиус, До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. In: (отв. ред. Н.А.Макаров) Русь в IX-X веках: археологическая панорама (Москва-Вологда 2012), 37-63.
- Gubarev 2013:** O. L. Gubarev, *O kلياتvakh rusov I slavian*. *Stratum plus* 5, 2013, 239-245 // О. Л. Губарев, О клятвах русов и славян. *Stratum plus* 5, 2013, 239-245.
- Gura 2012:** A. V. Gura, *Brak I svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika I simvolika* (Moskva 2012) // А.В. Гура, Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика (Москва 2012).
- Higgins 2011:** N. Higgins, *The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and the Brehon Law*. <http://eprints.maunoothuniversity.ie/5663/1/NH-Brehon-Law.pdf> Дата обращения: 30.03.2018
- Ivanov, Toporov 1974:** V.V. Ivanov, V.N. Toporov, *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* (Moskva 1974) // В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов (Москва 1974).
- Ivanova-Buchatskaia 2006:** Iu.V. Ivanova-Buchatskaia, *Plattes land: simvolii Severnoi Germanii (claviano-germanskii etnokul'turnyi sintez v mezhdurech'e El'by i Odera)* (Sankt-Peterburg 2006) // Ю.В. Иванова-Бучатская, *Plattes land: simvolii Severnoi Germanii (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера)* (Санкт-Петербург 2006).
- Koshkin 2006:** I. Koshkin, *Problema odnositel'noi khronologii germanizmov v iazyke drevnerusskikh dogovornykh gramot severo-zapadnogo areala*. *Slavica Helsingiensia* 27, 2006, 210-221 // И. Кошкин, Проблема относительной хронологии германизмов в языке древнерусских договорных грамот северо-западного ареала. *Slavica Helsingiensia* 27, 2006, 210-221.
- Korzuhina 1954:** G.F. Korzukhina, *Russkie klady IX-XIII vv.* (Moskva-Leningrad 1954) // Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Kuz'menko 2011:** Iu.K. Kuz'menko, *Rannie germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkheologiiia, genetika* (Sankt-Peterburg 2011) // Ю.К. Кузьменко, Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика (Санкт-Петербург 2011).
- Kuleshov 2012:** V.S. Kuleshov, *K predystorii drevnerusskoi platezhnoi grivny*. In: (ed. E.V. Lepekhina). *Materialy i issledovaniia otdela numizmatiki. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* 61, 2012, 151-174 // В.С. Кулешов, К предыстории древнерусской платежной гривны. In: (отв. ред. Е.В. Лепехина) Материалы и исследования отдела нумизматики. Труды Государственного Эрмитажа 61, 2012, 151-174.
- Kuleshov 2017:** V.S. Kuleshov, *Zolotyebbraslety rusov IX-XI vv.: teksty, veshchi i funktsii*. In: (ed. A.E. Musin, O.A. Shcheglova) *V kamne i v bronze. Sbornik statei v chest' Anny Peskovoi. Trudy IIMK RAN. T. XLVIII* (Sankt-Peterburg 2017), 253-258 // В.С. Кулешов, Золотые браслеты русов IX-XI вв.: тексты, вещи и функции. In: (отв. ред. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова) В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII (Санкт-Петербург 2017), 253-258.
- KP 1962:** Koz'ma Prazhskii, *Cheshskaia khronika* (Moskva 1962) // Козьма Пражский, Чешская хроника (Москва 1962).
- Levkievskaiia, Tolstaia 1999:** E.E. Levkievskaiia, S.M. Tolstaia, *Kamen'*. In: (ed. N.I. Tolstoi). *Slavianskie drevnosti: etnolingvicheskii slovar' (v 5 tt.)*. T. 2 (Moskva 1999), 448-453 // Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая, Камень. In: (ed. Н.И. Толстой). Славянские древности: этнолингвистический словарь (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 448-453.
- Litvina, Uspenskii 2016:** A.F. Litvina, F.B. Uspenskii, *Pochemu variag Iakun «otbezheludy zlatoe»? Stseny Listvenskoi bitvy 1024 g. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 1 (63), 2016, 27-40 // А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, Почему варяг Якун «отбежелуды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 1 (63), 2016, 27-40.
- Mansikka 2005:** V.I. Mansikka, *Religiia vostochnykh slavian* (Moskva 2005) // В.И. Мансикка, Религия восточных славян (Москва 2005).
- Me'nikova 2008:** E.A. Me'nikova, *Ukroshchenie neukrotimykh: dogovory s normannami kak sposob ikh integrirovaniia v inokul'turnykh obshchestvakh. Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 2 (32), 2008, 12-26 // Е.А. Мельникова, Укрошение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2 (32), 2008, 12-26.
- Me'nikova 2012:** E.A. Me'nikova, *Zalozhniki I kiatvy: Protsedura zakliucheniia dogovorov s normannami*. In: (ed. F.B. Uspenskii). *Imenoslov: Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury* (Moskva 2012), 113-183 // Е.А. Мельникова, Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами. In: (отв. ред. Ф.Б. Успенский). Именослов: История языка. История культуры (Москва 2012), 113-183.
- Me'nikova 2014:** E.A. Me'nikova, *«Obruch'ia» nekreshchenoi Rusi v russko-vizantiiskom dogovore 944 g. i «kol'tsa kiatvy» drevneskandinavskoi pravovoi traditsii. Srednie veka* 75 (3-4), 2014, 176-192 // Е.А. Мельникова, «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции. Средние века 75 (3-4), 2014, 176-192.

- Nechaev 1897:** V.M. Nechaev, Obruchenie (sgovor, pomolvka). In: (ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron) Entsiklopedicheskii slovar'. T. XXIA (Sankt-Peterburg 1897), 578-580 // В.М. Нечаев, Обручение (сговор, помолвка). In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) Энциклопедический словарь. Т. XXIA (Санкт-Петербург 1897), 578-580.
- Nikolaev 2017:** S.L. Nikolaev, K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoi fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniia v «Povesti vremennykh let». Voprosy onomastiki 14 (2), 2017, 7-54 // С.Л. Николаев, К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». Вопросы ономастики 14 (2), 2017, 7-54.
- Obnorskii 1904:** N.O. Obnorskii, Efeby. In: (ed. F.A. Brokgauz, I.A. Efron) Entsiklopedicheskii slovar'. T.XLI. (Sankt-Peterburg 1904), 202-203 // Н.О. Обнорский, Эфебы. In: (изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон) Энциклопедический словарь. Т. XLI (Санкт-Петербург 1904), 202-203.
- Pavlov-Sil'vanskij 1988:** N.P. Pavlov-Sil'vanskii, Simvolizm v drevnemrusском prave. In: (ed. N.P. Pavlov-Sil'vanskii) Feodalizm v Drevnei Rusi (Moskva 1988), 483-503 // Н.П. Павлов-Сильванский, Символизм в древнем русском праве. In: (Н.П. Павлов-Сильванский) Феодализм в Древней Руси (Москва 1988), 483-503.
- Polibii:** Polibii. Vseobshchaia istoriia, kn. III, gl. 25: 6-9 // Полибий. Всеобщая история, кн. III, гл. 25: 6-9. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1445003025> Дата обращения: 30.03.2018.
- Riisoy 2016:** A. Riisoy, Performing Oaths in Eddic Poetry: Viking Age Fact or Medieval Fiction? Journal of the North Atlantic 8, 2016, 141-156.
- Romanchuk 2013:** A.A. Romanchuk, Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (polnaia versiia). Vestnik KIGIT 36 (6), 2013, 73-131 // А.А. Романчук, Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). Вестник КИГИТ 36 (6), 2013, 73-131.
- Romanchuk 2013a:** A.A. Romanchuk, Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony. Stratum plus 5, 2013, 283-299 // А.А. Романчук, Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. Stratum plus 5, 2013, 283-299.
- Romanchuk 2015:** A.A. Romanchuk, Normannizm vs anti-normannizm: kak doiti do produktivnoi diskussii? // А.А. Романчук, Норманнизм vs анти-норманнизм: как дойти до продуктивной дискуссии? http://генофонд.рф/?page_id=4842 Дата обращения: 07.03.2018.
- Romanchuk 2016:** A.A. Romanchuk, Variagi i variazi: k voprosu ob etimologii i vremeni vznikhoveniia etnonima variag. Vostochno-Evropeskii nauchnyi vestnik 2, 2016, 65-72 // А.А. Романчук, Варяги и варязи: к вопросу об этимологии и времени возникновения этнонима варяг. Восточно-Европейский научный вестник 2, 2016, 65-72.
- Romanchuk 2017:** A.A. Romanchuk, Variazhskii antroponomikon PVL (do serediny X veka) I antroponomikon skandinavskikh runicheskikh nadpisei: sravnitel'nyi analiz. In: (ed. L.B. Vishniatskii). ExUngueLeonem: Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina (Sankt-Petersburg 2017), 245-255 // А. А. Романчук, Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. In: (отв. ред. Л.Б. Вишняцкий). ExUngueLeonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 245-255.
- Romanchuk 2017a:** A.A. Romanchuk, Etnolingvistika obriada predachi kuritsy nad mogiloi u bulaeshtskikh ukraintsev i ego vostochnoromanskii i slavianskie paralleli: obshchee i osobennoe. In: (ed. O.Iu. Zelins'ka) Filologichnii chasopis: zbirnik naukovikh prats' 1 (9) (Uman' 2017), 62-74 // А.А. Романчук, Этнолингвистика обряда передачи курицы над могилой у булаештских украинцев и его восточнороманские и славянские параллели: общее и особенное. In: (отв. ред. О.Ю. Зелінська) Філологічний часопис: збірник наукових праць 1 (9) (Умань 2017), 62-74.
- Romenskii 2016:** A.A. Romenskii, Kliatva na zolote v dogovore Sviatoslava s Ioannom Tsimiskhiem. Ruthenica 13, 2016, 142-149 // А.А. Роменский, Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием. Ruthenica 13, 2016, 142-149.
- Sankina 2017:** S.L. Sankina, O zapadnoslavianskoi versii proiskhozhdeniia sloven novgorodskikh, skandinavskoi problem i drevneevropeskoi substrate (dannye antropologii). In: (ed. L.B. Vishniatskii). ExUngueLeonem: Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina. (Sankt-Petersburg 2017), 256-274 // С.Л. Санкина, О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии). In: (отв. ред. Л. Б. Вишняцкий) ExUngueLeonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 256-274.
- Svanidze 2014:** A.A. Svanidze, Vikingi – liudisagi: zhizn' inravy (Moskva 2014) // А.А.Сванидзе, Викинги – люди саги: жизнь и нравы (Москва 2014).
- Smirnskii 1998:** A.I. Smirnskii, Drevneangliiskii iazyk (Moskva 1998) // А.И. Смирницкий, Древнеанглийский язык (Москва 1998).
- Sreznevskii 1893:** I.I. Sreznevskii, Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka. T. 1 (A-K) (Sankt-Petersburg 1893) // И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1 (А-К) (Санкт-Петербург 1893).
- SRNG 13:** Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 13 (Leningrad 1977) // Словарь русских народных говоров. Т. 13 (Ленинград 1977).

- Steblyn-Kamenskii 1953:** M.I. Steblin-Kamenskii, *Istoriia skandinavskikh iazykov* (Moskva-Leningrad 1953) // М.И. Стеблин-Каменский, *История скандинавских языков* (Москва-Ленинград 1953).
- Stefanovich 2006:** P.S. Stefanovich, *Kliatva po russko-vizantiiskim dogovoram X v.* In: (ed. T.V. Gimon, E.A. Mel'nikova). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: materialy I issledovaniia*. 2004 g. (Moskva 2006), 383-403 // П.С. Стефанович, *Клятва по русско-византийским договорам X в.* In: (отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова). *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования*. 2004 г. (Москва 2006), 383-403.
- Stefanovich 2013:** P.S. Stefanovich, *Praviashchaia verkhushka Rusi po russko-vizantiiskim dogovoram X v.* In: (ed. Iu.A. Petrov) *Trudy Instituta rossiiskoi istorii* 11, 2013, 19-57 // П.С. Стефанович, *Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в.* In: (отв. ред. Ю.А. Петров) *Труды Института российской истории* 11, 2013, 19-57.
- Sumtsov 1896:** N.F. Sumtsov, *Pozhelaniia i prokliatiia (preimushchestvenno maloruskie)* (Khar'kov 1896) // Н.Ф. Сумцов, *Пожелания и проклятия (преимущественно малорусские)* (Харьков 1896).
- Shirokova 2005:** N.S. Shirokova, *Verkhovnyi bog drevnikh kel'tov*. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* 1, 2005, 15-20 // Н.С. Широкова, *Верховный бог древних кельтов*. *Вестник Башкирского университета* 1, 2005, 15-20.
- Valentsova 1999:** M.M. Valentsova, *Ko'l'tso*. In: (ed. N.I. Tolstoi) *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* (v 5 tt.). T. 2 (Moskva 1999), 563-566 // М.М. Валенцова, *Кольцо*. In: (отв. ред. Н.И. Толстой) *Славянские древности: этнолингвистический словарь* (в 5 тт.). Т. 2 (Москва 1999), 563-566.
- Valentsova 2016:** M.M. Valentsova, *K issledovaniuu balto-slavianskoi demonologii*. *Res Humanitariae* XX, 2016, 70-88 // М.М. Валенцова, *К исследованию балто-славянской демонологии*. *Res Humanitariae* XX, 2016, 70-88.
- Vinogradova 2005:** L.N. Vinogradova, *Formuly ugroz i prokliatii v slavianskikh zagovorakh*. In: (ed. T.N. Sveshnikova) *Zagovornyi tekst. Genezisistruktura* (Moskva 2005), 425-440 // Л.Н. Виноградова, *Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах*. In: (отв. ред. Т.Н. Свешникова) *Заговорный текст. Генезис и структура* (Москва 2005), 425-440.
- Vvedenskii 2006:** A.M. Vvedenskii, *Dogovory Rusi s grekami X v.: kliatva Sviatoslava Igorevicha*. *Problemy interpretatsii vyrazheniia «koloti iako zoloto»*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* 57, 2006, 916-926 // А.М. Введенский, *Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича*. *Проблемы интерпретации выражения «колооти яко золото»*. *Труды отдела древнерусской литературы* 57, 916-926.
- Zav'ialov, Rozanova, Terekhova 2012:** V.I. Zav'ialov, L.S. Rozanova, N.N. Terekhova, *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul'ture Severnoi Rusi* (Moskva 2012) // В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, *Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси* (Москва 2012).

Алексей Романчук, магистр антропологии, научный сотрудник, Центр Этнологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001, Кишинев, Республика Молдова. Tel.: +373 68133396, e-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com